

Юрасов Игорь Алексеевич

доктор социологических наук,
профессор кафедры «Менеджмент, информатика
и общегуманитарные науки»
Пензенского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Павлова Ольга Александровна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры «Менеджмент,
информатика и общегуманитарные науки»
Пензенского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ [1]

Аннотация:

В статье исследуются проблемы влияния различных типов дискурса на религиозную идентичность на примере православной церкви в Российской Федерации. Авторы основываются на постулате, что базой религиозной идентичности является религиозный интеллект – специфический набор социально-психологических черт характера индивида, который является первопричиной формирования религиозных чувств и отношений. Получив первый религиозный опыт в ходе специфических конфессиональных практик, индивид знакомится с разного рода дискурсами, содержащими важнейшие и своеобразные религиозные топосы. Такими видами религиозных дискурсов выступают следующие: философский, мифологический, художественный, идеологический, политический. В зависимости от доминирования того или иного дискурса в формировании индивидуальной религиозной идентичности складываются нормативные конфессиональный, фольклоризированный и маргинализированный типы идентичности.

Ключевые слова:

религия, идентичность, дискурс, модель, религиозный интеллект, религиозный опыт, нормативный религиозный дискурс, фольклоризированная религиозная идентичность, маргинализированная религиозная идентичность.

Yurasov Igor Alekseevich

D.Phil. in Social Science, Professor,
Management, Computer Science
and Liberal Arts Department,
Penza branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

Pavlova Olga Aleksandrovna

PhD in Philology, Senior Lecturer,
Management, Computer Science
and Liberal Arts Department,
Penza branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

DISCURSIVE RESEARCH OF RELIGIOUS IDENTITY [1]

Summary:

The study examines the impact of various types of discourse on the religious identity by a case study of the Russian Orthodox Church. The authors postulate that the religious intelligence, a specific set of social and psychological traits of character of the individual that is the prime cause of creating religious feelings and relations, serves as a basis for the religious identity. Having gained the first religious experience during the specific denominational practices, the individual becomes acquainted with different discourses containing the pivotal and unique religious topoi. They include philosophical, mythological, artistic, ideological, and political discourses. Depending on the domination of a discourse when creating an individual religious identity, it develops the standard confessional, folklore-related, and marginalized types of identity.

Keywords:

religion, identity, discourse, model, religious intelligence, religious experience, standard religious discourse, folklore-related religious identity, marginalized religious identity.

Проблема религиозной православной идентичности не является новой в отечественных социологии, социальной психологии, социальной философии. В филологии последние 20 лет активно изучался религиозный дискурс. Однако в отечественной и зарубежной науке не предпринимались попытки определить специфику влияния разных типов дискурса на формирование религиозной идентичности, что представляется весьма актуальным в свете ослабления интереса большинства населения Российской Федерации к православной конфессии, а также в аспекте исследования религиозного экстремизма, ухода православных верующих в другие конфессии (ислам, буддизм), инославные христианские конфессии (католицизм, протестантизм) и разного рода псевдо- и околохристианские секты.

Категория «идентичность» начала разрабатываться в общественных науках благодаря исследованиям З. Фрейда, Э.Г. Эриксона, П. Бурдьё, М. Мида, П. Бергера, Т. Лукмана, Э. Дюркгейма, И. Гофмана. В отечественной социологии теорией идентичности занимались Л. Гудков, А.Н. Крылов, Ж.Т. Тощенко и многие другие. З. Фрейд, Э.Г. Эриксон изучали психологические и антропологические аспекты идентичности. П. Бергер и Т. Лукман рассматривали ее с точки зрения социального конструирования реальности и понимали под ней феномен связи индивида и общества.

И. Гофман вслед за Э. Дюркгеймом анализировал идентичность в условиях множественности социальных ролей. По их мнению, социальная идентичность является типизацией личности другими людьми на основе атрибутов социальной группы, к которой она принадлежит [2].

Рамки настоящей статьи не позволяют дать полный обзор теории идентичности в социологии, но в качестве общих положений, представленных в наиболее известных доктринах, предлагаются следующие: концепция социальной идентичности представляет собой совокупность отнесения человека к разным социальным категориям, таким как пол, национальность, класс, религия; источники формирования идентичности – это социальная и культурная среда, межличностное взаимодействие; идентичность предстает как аспект самосознания, осознанности; она рассматривается как интегрированное переживание жизненной ситуации; часто выступает как воображаемая целостность; превращается в современном обществе в объект социальных рефлексий [3].

Под религиозной идентичностью в исследовании понимается отождествление индивида с какой-либо религиозной доктриной, системой догм, воззрений, определенной конфессией, группой верующих. Процессы идентификации, возникновения и становление религиозной идентичности, их сильные и слабые стороны, деформация религиозной идентичности не раскрыты до конца в отечественном общественном сознании. Особого внимания требует рассмотрение влияния корпусов текстов, нарративов, дискурсов, транслирующих базовые православные смыслы на личность современного человека, православную религиозную идентичность и на формирование в общественном сознании образа религиозного человека, исповедующего православие [4].

В социальной психологии широко распространены идеи контекстуальной и языковой обусловленности идентичности. При этом ощущается нехватка методических инструментов для проведения эмпирических исследований с учетом данных идей.

В настоящее время теория дискурса представляет собой объект междисциплинарного анализа. Как самостоятельная область науки дискурсивные исследования начали складываться в 60-е гг. XX в. в зарубежной лингвистике. Понятийное поле термина «дискурс» можно определить следующим образом: 1) речь, диалог; 2) связанный текст, речевое произведение; 3) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 4) устно-разговорная форма текста; 5) коммуникативное явление, включающее в себя экстралингвистические и лингвистические аспекты [5].

Под дискурсом мы понимаем систему смыслов, передающих основные религиозные и около-религиозные темы и топосы. Термин «дискурс» подчеркивает интерактивный, процессуальный, динамический характер использования языка в формировании идентичности. Дискурсивный анализ религиозной идентичности подразумевает семантическую оценку ключевых топосов и базовых смыслов нарративов, описывающих религиозную православную проблематику. Топосом в дискурсе мы считаем общее место, квинтэссенцию смысла, систему часто повторяющихся мотивов, фреймов. В нарративном анализе идентичность трактуется как история, рассказываемая о себе в процессе жизни, в которой индивидуальный опыт упорядочивается в целостные смысловые структуры [6].

Согласно точке зрения Е.В. Бобыревой, религиозный дискурс представляет собой сложный коммуникативно-культурный феномен (чьей основой составляет система ценностей), который реализуется в виде жанров и выражается посредством языковых и речевых средств. Фрагментами религиозного дискурса являются молитвы, проповеди, акафисты, притчи, псалмы, пасторские обращения, хвалебные молитвословия [7]. Мы считаем возможным расширить это понятие и выделить в нем два аспекта.

1. Институционализированный религиозный дискурс, функционирующий в области сакральной религиозной коммуникации, представляющей собой обращение человека, социальной группы, общества к высшей духовной сфере без аксиологической соотнесенности, морально-нравственного вектора (Добро/Зло, Бог/дьявол) [8]. Жанрами этого дискурса являются молитвы, богослужебные тексты, акафисты, богословские трактаты.

2. Неинституционализированный религиозный дискурс, охватывающий философские, мифологические, идеологические, политические, художественные аспекты религиозной коммуникации.

Специфика религиозной коммуникации предполагает, что индивид в процессе религиозной социализации и воцерковления сталкивается в первую очередь с неинституционализированным религиозным дискурсом, который весьма вольно, недогматически и неканонически трактует некоторые религиозные темы и топосы. Неинституционализированный религиозный дискурс доминирует в бытовой религиозной практике и может стать источником различных деформаций религиозной идентичности.

Базой становления религиозной идентичности является религиозный интеллект, понимаемый как комплекс социально-психологических характеристик, качеств индивида, которые делают возможным мистические, религиозные переживания. Религиозные компетенции и чувства возникают у одних людей, несмотря ни на что, несмотря на интерес к проблеме религиозности, профессиональности со стороны общества, государства и церкви или его отсутствие. В этом случае

образование религиозной идентичности, как правило, пускается на самотек и принимает уродливые, вредные для общества, государства, церкви формы. Следствием этого выступают религиозный экстремизм и фундаментализм, сектантство, расколы. Данную компетенцию можно сравнить с музыкальным слухом, литературным талантом, способностью к той или иной науке. Невозможность реализовывать эту компетенцию в нормальных условиях не останавливает ее формирование и развитие, а приводит к различным формам маргинализации и девиантным формам проявления, таким как пензенские затворники 2007–2008 гг. и исламский терроризм.

Основу религиозной компетенции составляет вера. Само ее существование обусловлено двумя ментально-логическими образованиями: исчислимостью и субъектностью в языке [9]. Исчислимость и субъектность как категории, имеющиеся во всех языках, приводят к формированию веры, т. е. вера человека начинает складываться вместе с человеческим языком. Лингвистические различия дают разные формы интерпретации одного и того же явления – веры, выражаясь в дальнейшем в конфессиональных различиях, таких как формы христианства, ислама, иудаизма, буддизма и т. д. Чистая конфессиональная вера, базирующаяся на ментально-логических максимумах – исчислимости и субъектности, реализуемых в национальных языках, – приводит к различиям в религиозных системах.

К интеллектуальным чертам религиозной компетенции относятся интуитивный способ мышления, теоретический склад ума, синтетичность мыслительных процессов, способность воспринимать ситуации в целом, самокритичность, трансцендентность.

Эмоциональными чертами религиозного интеллекта являются высокая впечатлительность, робость, застенчивость, скромность, низкая самооценка, развитая фантазия, воображение, сниженная критичность по отношению к сверхъестественному, религиозная оценка, религиозная коммуникабельность, пассионарность (духовная смелость) [10].

Религиозный интеллект обладает разной степенью выраженности: атеизм, наивная вера, конфессиональная вера, сильная вера, святость.

Таким образом, религиозный интеллект представляет собой специфическую социально-психологическую характеристику индивида, которую можно считать маркером его включенности в религиозную жизнь, и уровень способностей к духовным переживаниям. В конечном счете религиозный интеллект состоит из интеллектуальных и эмоциональных характеристик и обладает экспрессией, интенсивностью выраженности.

Имея определенный религиозный интеллект, индивид в практической религиозной деятельности получает религиозный опыт. Существуют две дефиниции последнего. В первом случае религиозный опыт выступает в качестве набора религиозных переживаний, воспринятых, оцененных, трансцендентно переработанных человеком и значимых для формирования, укрепления, развития его религиозного мировоззрения. Другое понимание религиозного опыта связано с категорией опытности и раскрывается как искушенность в религиозной жизни, достигаемая продолжительным пребыванием в религиозной среде и упорством в стремлении к религиозно обусловленным целям.

На этапе приобретения религиозного опыта индивид сталкивается в первую очередь с институционализированными религиозными дискурсами, которые активно начинают влиять на его религиозную идентичность. Основная проблема современной религиозной социализации в Российской Федерации состоит в отсутствии традиции религиозного образования и воспитания. Сложность формирования нормативной конфессиональной идентичности заключается в разрыве преемственности в получении религиозного опыта, в отсутствии живого практического примера и сильных религиозных личностей в бытовом окружении обычного индивида, а также в восстановлении ее по книгам, текстам, теле- и радиопередачам, интернет-блогам.

Современные активные прихожане старшего возраста по многим причинам не могут служить примером для неофитов. Согласно многочисленным вторичным источникам, авторским исследованиям – наблюдениям, включенным наблюдениям, анкетным и экспертным опросам, типичный в социологическом аспекте православный человек – это женщина в возрасте 45–50 лет с высшим образованием, сложным путем религиозной социализации, сопряженным с догматическими, каноническими ошибками, имеющая опыт религиозного эмоционального выгорания, религиозных переживаний, связанный с инославным христианством, другими концессиями, язычеством, оккультными и магическими практиками, ересями. Таких женщин никоим образом нельзя назвать «белыми платочками», спасшими Русскую православную церковь.

Настоящие данные были получены в результате экспертного опроса 27 православных священников в возрасте 48–76 лет из Пензы, Пензенской области, Саранска, Ульяновска, Нижнего Новгорода. Критериями отбора экспертов стали духовное образование (духовная семинария, академия), церковный опыт не менее 25 лет, стаж службы в качестве священника не менее 20 лет. Целью исследования стало определение социального портрета современного православного воцерковленного человека.

Эксперт № 1: «Причем бабушки 90-х уже были совсем не причастны к дореволюционной церковной традиции. Они под барабанную дробь ходили все свое детство и воспитывались в антирелигиозном духе. Никаких церковных традиций они уже не несли с собой, а приносили только свой бабушкинский уют и суеверия». Эксперт № 2: «К сожалению, для подавляющего большинства приходящих в храмы до сих пор внешнее ритуально-обрядовое благочестие, я бы даже сказал – благолепие, является альфой и омегой церковной жизни. Чего стоят, например, эти богословски бессмысленные и нравственно кощунственные крещенские купания. В рядах этих купальщиков кого только ни найдешь. Яркий пример того, что нас воспринимают как составную часть экзотически-фольклорной тусовки, призванной разнообразить наряду с макдональдсами и торгово-развлекательными центрами скучную и в чем-то тревожную жизнь наших обывателей». Эксперт № 3: «А сейчас вчерашние гонители Церкви с легкостью перешли с партсобраний на божественную литургию, с первомайских демонстраций на крестные ходы. Точно так же, как они в свое время ритуально-протокольно говорили о строительстве коммунизма, сейчас они говорят о зарождении Святой Руси, точно так же пытаюсь, как мифический коммунизм, конвертировать мифическую Святую Русь в материальные блага».

В результате этого в подростковой городской среде приобретают популярность атеизм, нетрадиционные для Российской Федерации оккультные и магические практики. Рассмотрим типичный нарратив из комментариев на православном сайте: «У меня четыре ученика по обществознанию (репетиторство) – трое из 11-го класса, один – из 9-го, три девушки, один парень. Парень в верующей семье, но самого можно назвать деистом, остальные неверующие. Через девушку (9-й) проводил соцопросы, ей это нравится делать. В классе отрицают Бога 50 %, деисты (Бог в душе) – 20 %, остальные пантеисты с оккультным уклоном. Больше половины интересуется гаданием, экстрасенсами. У парня – самый высокий уровень школьной подготовки, причащается 1–2 раза в год, не по желанию, а настоянию матери» [11]. Анализ этих данных позволяет сделать выводы, что религиозный интеллект в той или иной форме присущ обычным людям, в данном случае подросткам. Молодежь продолжает интересоваться потусторонним, трансцендентным, неинституционализированные дискурсы образуют деформированную религиозную идентичность, которая может стать основой возникновения радикальных и экстремистских настроений в молодежной среде.

Сталкиваясь с подобной религиозной практикой типичных православных прихожан, можно сделать вывод, что в настоящее время существуют несколько православных религиозных моделей: нормативно-конфессиональная, построенная на нормативном в догматическом плане религиозном богословском дискурсе; фольклоризированная традиционная религиозная; маргинализируемая. Эти модели предполагают три вида религиозной идентичности:

- 1) нормативно-конфессиональную,
- 2) фольклоризированную,
- 3) маргинальную.

Нормативно-конфессиональная идентичность складывается в большей степени благодаря нормативному в догматическом плане богословскому, философскому и весьма ограниченно художественному дискурсам. Фольклоризированная – формируется художественным, мифологическим, идеологическим, политическим дискурсами. Маргинальная религиозная идентичность, становящаяся в последнее время базой возникновения радикальных и экстремистских настроений и течений, создается главным образом политическим, идеологическим, мифологическим и художественным дискурсами, что приводит к деформации идентичности и появлению негативной идентичности. Социологически негативную религиозную идентичность можно квалифицировать как самоутверждение от противного, от другого значимого предмета или представления (народа, этноса, нации, вероотступников, врагов веры и т. п.), выраженную в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у носителей противоположной религиозной модели или доктрины. Все чужое, не относящееся к его религиозной картине мира, выступает в виде чуждого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего все, что неприемлемо среди членов группы или сообщества, т. е. антипода. Негативная идентичность ответственна за образование специфической и, напротив, некритической картины мира и позитивного образа внешних сил, конструируя иллюзию принадлежности к ним.

Читательские предпочтения в рамках тех или иных видов дискурса, транслирующих религиозную информацию, исследовали на основе анализа формуляров библиотек приходских православных храмов и монастырей: 9 приходских библиотек в Пензе, 2 – Саратове, 1 – Саранске, 3 сельские приходские библиотеки. Среднее число зарегистрированных читателей – 74. Количество пользующихся библиотечными фондами не менее раза в месяц – 52. В некоторых библиотеках имелись кружки духовного образования по изучению Евангелия, Псалтыря. Читательские предпочтения выглядят следующим образом.

1. Наиболее востребована современная литература о старцах/старицах, подвижниках православного благочестия. Общее число обращений – 73 %.

2. На втором месте по читательской востребованности стоит художественная православная литература. Число обращений – 68 %. Рейтинг популярности: современная (архимандрит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые», Я. Щипов «Райские хутора», «Весенний сон», Ю. Вознесенская «Мои посмертные приключения», Ю. Андреева «Букет незабудок») – 59 %; классическая (И.С. Шмелев, Н.С. Лесков, рождественские и пасхальные рассказы русских писателей) – 41 %.

3. Агиографическая классическая литература (жития святых). Рейтинг популярности – 52 %.

4. Аскетическая литература: классика (Никодим Святогорец, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Иоанн Кронштадтский, письма оптинских старцев) – 37 %; современная (Паисий Святогорец, архимандрит Амвросий (Юрасов)) – 32 %, а также труды для чтения «Добротолубие».

5. Н.Е. Пестов «Современная практика православного благочестия» – 36 %.

6. Классическое византийское богословие (труды трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого). Рейтинг читательской популярности – 9 %. Интерес к этим источникам наблюдается, как правило, у молодых мужчин – 76 %, в оставшиеся 24 % входят все остальные – мужчины среднего и пожилого возраста, женщины.

7. Современное богословие (П. Гумеров, А. Ткачев, А. Кураев (был очень востребован в 2002–2012 гг.), А. Осипов).

8. Православная публицистика (О. Николаева, Ю. Сысоева «Записки попадьи»).

9. Публицистика отцов церкви (митрополит Иоанн (Снычев), митрополит Вениамин (Федченков)).

На основании анализа читательских предпочтений можно сделать следующие выводы: наиболее популярными являются мифологический, идеологический и политический дискурсы, на втором месте стоит художественный дискурс.

С помощью дискурсивного анализа создана модель формирования религиозной идентичности под воздействием разных видов дискурса (рисунок 1). Видно, что под влиянием фольклоризированного дискурса, представленного мифологическим, идеологическим, политическим и художественным видами, складывается фольклоризированная религиозная идентичность. Она является деформированным образцом православной религиозной идентичности, в сути которой заключены многие проблемы современной Русской православной церкви (снижение числа активных прихожан, религиозная нескритичность и несамостоятельность, уход из церкви воцерковленной молодежи, популярность среди молодых людей атеизма, оккультизма, магических практик, неготовность некоторых священнослужителей к активной миссионерской работе среди городского образованного населения, деформация таинств, эмоциональное выгорание верующих и священнослужителей, социальная метонимия, выставляющая на первый план обряд и ритуал, а не их сакральный смысл).

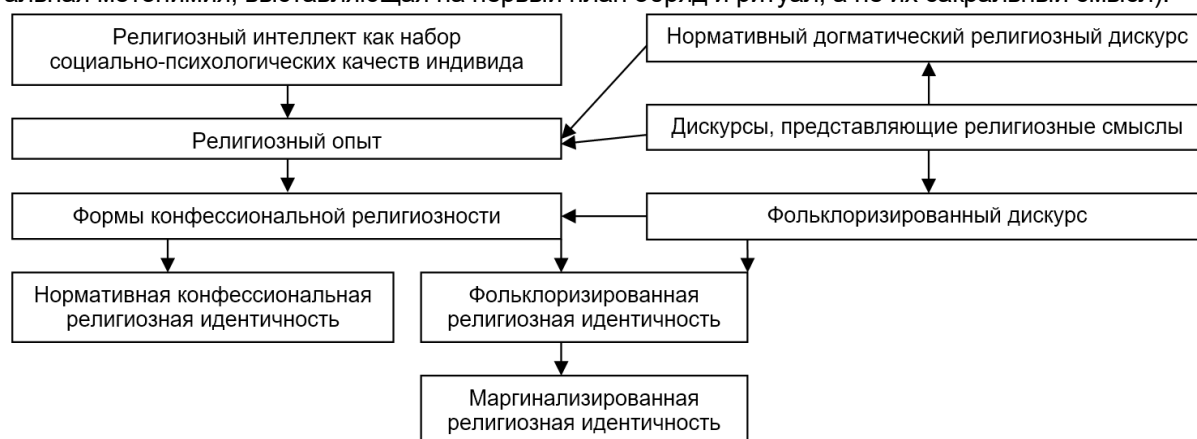

Рисунок 1 – Модель формирования религиозной идентичности

Таким образом, дискурсивное исследование религиозной идентичности позволяет выделить несколько вариантов религиозных картин мира и типов религиозной идентичности – нормативной, фольклоризированной и маргинальной. Типы идентичности формируются под воздействием пяти видов дискурсов – философского, художественного, политического, мифологического и идеологического. Художественный, политический и идеологический создают фольклоризированную и маргинальную религиозные идентичности, что становится базой деформации идентичности и причинами появления экстремистских религиозных течений.

Ссылки и примечания:

1. Публикация подготовлена по результатам выполнения исследования в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00164 на тему «Дискурсивное исследование религиозной идентичности».

2. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М., 2004. 816 с. ; Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М., 2014 ; Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45–61 ; Тощенко Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа: религиозный фактор в идентификационных процессах. М., 2008. С. 49–68.
3. Гудков Л. Указ. соч. ; Крылов А.Н. Указ. соч. ; Симонова О.А. Указ. соч. ; Тощенко Ж.Т. Указ. соч.
4. Аринин Е.И., Петросян Д.И. Особенности религиозности студентов // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 71–77 ; Бабич Н.С., Хоменко И.В. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 89–97 ; Их же. Шкала «предрасположенность к религиозности»: концептуальные основы // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 65–71 ; Соколовская И.Э. Социальная психология религиозной идентичности современной российской молодежи : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015. 315 с. ; Широкалова Г.С., Шиманская О.К., Аникина А.В. Существуют ли гендерные особенности религиозности студенческой молодежи // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 77–83.
5. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 348 с. ; Кутковая Е.С. Сравнительный анализ дискурсивного и нарративного подходов к исследованию идентичности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 35 с. ; Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с. ; Мальчукова Н.В. Проблема оснований общей теории языка : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2009. 40 с. ; Погасий А.К. Конкурентные религиозные дискурсы в социально-исторической эволюции русского православия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2013. 43 с.
6. Бобырева Е.В. Указ. соч. ; Кутковая Е.С. Указ. соч. ; Макаров М.Л. Указ. соч. ; Мальчукова Н.В. Указ. соч. ; Погасий А.К. Указ. соч.
7. Бобырева Е.В. Указ. соч. ; Макаров М.Л. Указ. соч.
8. Погасий А.К. Указ. соч.
9. Мальчукова Н.В. Указ. соч.
10. Аринин Е.И., Петросян Д.И. Указ. соч. ; Бабич Н.С., Хоменко И.В. Логические и практические трудности ... ; Их же. Шкала ... ; Соколовская И.Э. Указ. соч. ; Широкалова Г.С., Шиманская О.К., Аникина А.В. Указ. соч.
11. Климов Д. Надо ли говорить школьникам, что между религиями нет разницы [Электронный ресурс] // Pravmir.ru. 2017. 6 марта. URL: <http://www.pravmir.ru/kak-govorit-v-shkole-o-boge-obrashhenie-svyashhennika-k-roditelyam1> (дата обращения: 04.07.2018).